

Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М., 2009; Морохин А.В., Кузнецов А.А. Козьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии М., 2017; Морохин А.В. Козьма Минин. М., 2021; Петрова Н.Г. Скопин-Шуйский. М., 2010; Кабанов А.Ю., Семенов А.М. Ивановский край в Смутное время. Иваново, 2010; Рабинович Я.Н. Братья Коробьины на службе России

(1603–1639). Саратов, 2014; Рабинович Я.Н. Братья Семён и Никита Гагарины: страницы биографии (1610–1640). Саратов, 2015; Кабанов А.Ю., Рабинович Я.Н. Смутное время начала XVII века: судьбы участников. Иваново, 2015; Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. В 2 т. СПб., 2018.

⁵ Эскин Ю.М. Человек Смуты // Знание-сила. 1994. № 2. С. 29–45.

Александр Котов

Анатомия громовержца*

Aleksandr Kotov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

Anatomy of the Thunderer

DOI: 10.31857/S086956872206022X, EDN: MOFGKW

М.Н. Каткову и его окружению посвящено немало исследований, но в них, как правило, говорится об идеях московского публициста, о его единомышленниках и интерпретаторах¹. Однако, как справедливо отмечает Е.В. Первалова, «все указанные работы носят историко-философский характер и мало что добавляют к характеристике газеты “Московские ведомости” и профессиональной деятельности Каткова как журналиста и редактора» (с. 7). Со своей стороны, исследовательница, по сути, впервые обратила внимание на сотрудников катковской редакции² и технологическую сторону деятельности «московского громовержца»: организацию редакционной жизни, источники информации и способы обеспечения

жанрового и тематического многообразия материалов большой — и далеко не только политической — газеты, взаимодействие с корреспондентами, цензурой и высокопоставленными сановниками.

Разумеется, и тут невозможно было вовсе обойтись без характеристики катковских воззрений, и если в современной историографии Михаила Никифоровича принято характеризовать как националиста³, то Первалова игнорирует эти оценки и утверждает, что «во всех текущих вопросах — национальном, восточном, финансовом и т.д. — Катков руководствовался не столько преимуществами той или другой системы, но прежде всего соображениями пользы для политического будущего России,

* Первалова Е.В. «Русская Times»: газета «Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова (1863–1887). М.: Московский Политех, 2020. 408 с.

Материал подготовлен при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00073-П «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.».

This research was supported by the grant № 19-18-00073-P «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th–20th Centuries» of the Russian Science Foundation.

свою позицию он демонстративно отказывался связывать с интересами какой-либо группировки в правительстве и категорически протестовал, когда его газету называли органом какой-либо «партии» (с. 179). При этом «неизменными на протяжении всей его многолетней журналистской практики оставались лишь убежденность в незыблемости самодержавных и православных основ русского государства и идея объединения всех сословий вокруг монарха ради общего дела — сохранения единой и великой России» (с. 180).

Отчасти это так, хотя приоритет национальных интересов над всеми прочими (сословными, религиозными и т.д.) — тоже своего рода система. Да и в полной мере дистанцироваться от «группировок в правительстве» можно было, лишь отказавшись от того влияния на их политику, к которому публицист, безусловно, стремился⁴. К тому же и оппоненты Каткова порою являлись не менее искренними и последовательными патриотами и «государственниками», только государственные интересы они понимали несколько иначе.

Перевалова даже указывает на эти различия. Например, говоря о противостоянии катковской редакции с министром внутренних дел, она пишет: «В национальном вопросе [П.А.] Валуев являлся сторонником предоставления окраинам империи широкой автономии, тогда как Катков, напротив, отстаивал цельность и неделимость государства как политического организма, допуская сохранение местных особенностей, свободы вероисповедания, употребления местных языков в местных школах и учреждениях лишь при условии обязательного преподавания русского языка как государственного. Различным было их отношение к ситуации в Финском и Остзейском крае: Валуев, как политик и дипломат, при-

нимал во внимание сильное влияние при дворе крупных остзейских помещиков — и потому не препятствовал германизации прибалтийских территорий, тогда как Катков неоднократно пытался выступать против «онемечивания» края, отстаивая распространение русского языка и языков народов, его населяющих: эстов, латышей, литовцев» (с. 149).

Здесь не трудно увидеть типичный пример столкновения националистического и «имперского» подходов. Но почему-то вне этой коллизии оказывается виленский генерал-губернатор А.Л. Потапов, названный Переваловой всего лишь сторонником «более гуманной политики» по отношению к польскому дворянству (с. 160). Причины этой «гуманности» бывшего управляющего III отделением Собственной е.и.в. канцелярии и будущего шефа жандармов Перевалова не объясняет, ограничившись весьма колоритной цитатой из письма Б.М. Маркевича: «Он положительно никакой системы не имеет и не способен ни к какому синтезу. Когда Дмитрий Андреевич [Толстой] заговорил об общественном мнении, наш европеец злобно прервал его восклицанием, что у нас его нет, а его «нам навязывают московские газеты, которых он-де не читает и глубоко презирает их». «Впрочем, — промолвил он, и в эту минуту продукт николаевских времён выступил целиком из скорлупы своего гнилого европеизма, — впрочем, из двух московских газет я предпочитаю «Москву», потому что у неё бумага мягче. Вы понимаете, для какого употребления?»» (с. 163).

Однако система-то у Потапова как раз была и не являлась большим секретом. Наиболее обстоятельно она анализируется в монографии А.А. Комзоловой, на страницах которой Александр Львович предстаёт последовательным противником

«национального начала» в правительственной политике вообще и русификации Северо-Западного края в частности. Благодаря воспоминаниям И.А. Шестова (одного из ближайших сотрудников, а затем — злейших врагов Потапова) известна «любимая его тирада»: «России нет; есть великорусы, малороссы, татары, мордва, литвины, поляки, но России нет, а есть только Русская держава!»⁵. Ф.И. Тютчев со слов «некоего Моллера» (видимо, кем-то пересказанных поэту), схожим образом излагал «политические убеждения» А.Е. Тимашева, А.Л. Потапова и гр. П.А. Шувалова: «Вкратце суть доктрины сводится к тому, что так называемая русская народность — всего лишь выдумка журналистов, что это понятие имеет смысл лишь в отношении пяти или шести миллионов населения центральных губерний»⁶.

Вместе с тем Потапова сближало с Катковым последовательное неприятие украинофильства. Оба они поддерживали русификацию католического богослужения. Поэтому, критикуя Потапова за уступки полякам, «Московские ведомости» одобряли его борьбу с «клерикальной партией» — оппонировавшим «русскому латинству» кружком «виленских русификаторов». А катковские выпады против них охотно перепечатывали поддерживавшие Потапова издания (например, «Новое время» Н.Н. Юматова и А.К. Киркора)⁷.

Вступив в борьбу за классическое образование, Катков пошёл на компромисс и с такими сторонниками примирения с польской аристократией и шляхтой, как гр. Шувалов (с. 135) и вел. кн. Константин Николаевич (с. 166). В целом, взаимоотношения «московского громовержца» с сановниками 1860–1880-х гг. описаны Переваловой достаточно полно. Остался забыт, пожалуй, лишь один из ключевых его консервативных оп-

понентов — товарищ государственного контролёра Т.И. Филиппов, протезировавший таким своеобразным критикам Каткова, как К.Н. Леонтьев и кн. В.П. Мещерский.

Отношение исследовательницы к редактору «Московских ведомостей» вполне укладывается в давно и прочно сформировавшуюся апологетическую традицию, компенсирующую былые либеральные и советские обличительные перегибы. Впрочем, выражается оно с академической сдержанностью: «В политических обозрениях Каткова журналистское мастерство сочеталось с пронизательностью и политическим умом, умением убедительно и доказательно отстаивать свою точку зрения, способностью подчинять мнения и убеждения читателей и заставить их верить в те идеи, которые он отстаивал сам. Его тексты изобиловали рельефными образами, отличались живостью, ясностью и находчивостью языка, блестящим стилем, задевающей за живое иронией, умением от частного случая переходить к широким обобщениям и т.п. Коллеги-журналисты отмечали благородный тон, достоинство изложения и серьёзность его политических обозрений» (с. 33).

Однако современники указывали и на другое. Так, после выхода в 1858 г. катковской статьи «Русская сельская община» И.С. Аксаков писал Ю.Ф. Самарину: «Статья вышла и, написанная умно, бойко, хлётко, — производит эффект. Её докторальный тон, — *magister — dixi!*, — высокомерие, дерзость действуют повелительно на читателя... Было б очень приятно обрести в “Русском вестнике” нового союзника и сомышленника, но возмутительно то, что, повторяя мнения “Беседы” и “Сельского благоустройства”, он выдаёт их за свои, давно и всегда ему принадлежавшие, и нас же учит, нам же и толкует и удивляется нашей бестолковости!». Отталкива-

ло Ивана Сергеевича и журналистское лукавство: «Словом, у него такой приём: помещать у себя всякое модное мнение, не заявляя о его противоречии с убеждениями редакции, и, когда мода проходит, выступить против него с своим мнением»⁸. О том же позднее писал Леонтьеву Филиппов, уверенный в «притворстве» катковского «охранительного исповедания», составленного «гениальным справщиком чужих понятий, с цыганскою наглостию бравшим их за себя»⁹.

Необходимо учитывать и критические суждения Д.И. Иловайского, которого Перевалова почему-то считает единомышленником Каткова (с. 248). Но вряд ли редактор «Московских ведомостей», всегда выступавший против еврейских погромов, солидаризировался бы с антисемитскими репликами, позднее регулярно мелькавшими на страницах газеты Иловайского «Кремль». К тому же Дмитрий Иванович был последовательным противником «классической системы». «Во время своих поездок..., — писал он, — я имел возможность, между прочим, наблюдать за постепенным упадком интереса к отечественной истории и древностям, по преимуществу там, где инспекторские и директорские места перешли в руки славян-классиков или где являлось сочетание западного славянина с немцем... В некоторых... чисто русских или даже древнерусских городах, известных своими замечательными памятниками, имевших в прежнее время в своём педагогическом составе людей, научно занимающихся этими памятниками, тепер я не встретил никакого к ним интереса. От заведений веяло каким-то иным, чуждым духом». При этом историк не без зависти напоминал про западный опыт: «После наполеоновского погрома Германии немцы начали своё национальное возрождение главным образом с того,

что принялись усердно изучать своё прошлое и в самых школах сильно подняли историческое преподавание. Каких результатов они достигли, всем известно»¹⁰.

Характеризуя авторскую манеру Каткова, Перевалова признаёт, что «для всех его публицистических выступлений была характерна чёткость, логичность и последовательность аргументации, абсолютная уверенность в правоте своих утверждений, повелительный, властный, почти приказной тон и не терпящая возражений интонация» (с. 208). Но все ли готовы были её терпеть? Как афористично выразился В.В. Розанов: «Катков произнёс извозчище: — Ппррру... А линия журналов и газет ответила ему лошадиным ляганьем. И вот весь русский консерватизм и либерализм»¹¹.

Подобные отклики, конечно, субъективны и полемичны, и не случайно Н.А. Любимов вспоминал слова Каткова о бурлении «котелка самолюбия» в славянофильском кружке¹². Хотя тот же Аксаков, ругая в 1863 г. Каткова за «никалаевские» тенденции, признавал: «Впрочем, действительно, его заслуга очень велика, он придаёт бодрости и силы правительству, и всё же ему дорога честь России»¹³. Так или иначе, упрощать отношение современников к Каткову не стоит.

Перевалова пересматривает давние стереотипы о правительственной поддержке «Московских ведомостей». Так, анализируя документы, связанные с передачей «Московских ведомостей» в аренду в 1862 г., исследовательница констатирует: «Нельзя не признать, что Катков и [П.М.] Леонтьев выиграли торги в условиях открытой и очень жёсткой конкуренции, предложив университету наиболее выгодные для него условия» (с. 46). В письме же А.В. Головнина, возглавлявшего тогда Министерство народного просвещения и оповестившего Каткова о сде-

ланном в его пользу выборе, несмотря на наличие некоего альтернативного и весьма заманчивого для казны варианта, Перевалова видит попытку манипуляции. Во всяком случае, «в архивных фондах до сих пор не найдено никаких свидетельств, подтверждающих факт предложения “с надбавкой 10 тысяч”, и весьма вероятно, что такого предложения и не существовало, а министр лишь хотел таким образом продемонстрировать новому редактору своё “особое благорасположение”, чтобы тот чувствовал себя “благодарительствованным”» (с. 46).

«Дарованное» Каткову право публикации казённых объявлений, по мнению автора монографии, в тогдашних условиях представляло собой скорее убыточную обязанность, от которой редактор позднее безуспешно пытался отделаться (с. 54–56). При этом, как показано в исследовании, «Московские ведомости» «отнюдь не были “неприкасаемыми” с точки зрения “финансовой дисциплины”, и все расчёты издателей с университетом строго контролировались существующими в тот период контрольными учреждениями» (с. 73). Да и «протоколы заседаний Московского цензурного комитета за 1866–1867 гг. недвусмысленно свидетельствуют, что деятельность “Московских ведомостей” по-прежнему находилась под пристальным вниманием цензуры, а значительная часть передовых статей рассматривалась полным составом комитета» (с. 158). С большим трудом удалось Каткову в 1874 г. добиться снижения арендной платы за «Московские ведомости» (с. 67). Серьёзные трудности возникали и с обычной коммерческой рекламой, которую предприниматели старались размещать в более массовых газетах (с. 74). Неудивительно, что капитал, оставленный Михаилом Никифоровичем своим многочисленным наследни-

кам, оказался сравнительно невелик (с. 74). Звучавшие же нередко упреки в его ангажированности и продажности, как считает Перевалова, «можно объяснить не только политическим противостоянием “Московских ведомостей” и изданий либерального и демократического лагеря, но и усиливающейся конкуренцией на формирующемся в 1860–1880-е гг. рынке печатных изданий» (с. 75).

Перед читателем книги проходит целая галерея журналистов и корреспондентов «Московских ведомостей»: А.И. Георгиевский, П.И. Мельников, Г. де Молилари, А.С. Троянский, Г.С. Веселитский-Божидарович, И.С. Костемеровский, А.Я. Липскеров, К.К. Случевский, Ю.О. Шрейер, В.Д. Аверкиев, Г.А. Ларош, С.В. Флёров, А.В. Жандр, П.К. Щебальский, Н.В. Щербань и др. Естественно, это далеко не все сотрудники Каткова, а посвящённые им очерки не претендуют на полноту, но сложно винить автора за невозможность объять необъятное. Смушает только излишнее доверие к свидетельствам заинтересованных лиц. Так, по словам И.Ф. Циона, проживавшего в 1880-е гг. в Париже и сотрудничавшего с Катковым, «поручения, которые он давал мне, строго ограничивались следующим: поддерживать в печати дружелюбные чувства к России, рассеивать предубеждения против русского народа, опровергать ложные слухи, сотнями распространяемые из Берлина о России, а затем держать его *au courant* всего, что делается во Франции, извещать о настроениях правительственных и парламентских кругов и доставлять ему точные сведения о боевой готовности французской армии; одним словом, делать всё, что входило в мои обязанности корреспондента “Московских ведомостей”» (с. 97). Из этого Перевалова делает вывод, что «каких-либо пожеланий и уж тем более требований “идеоло-

гического” или “направленческого” характера к присылаемым в газету корреспонденциям не предъявлялось, напротив, редакция стремилась к получению объективной и непредвзятой информации и в адресованных как опытным, так и начинающим авторам письмах подчёркивала, что в их корреспонденциях более всего дорожит “точностью и правдивостью сообщаемых ей сведений”, и, как правило, предоставляла их собственному усмотрению выбор и тем, и предметов освещения» (с. 98). Однако взгляды Циона были хорошо известны Каткову, и он даже рекомендовал его К.П. Победоносцеву как «сильного противника материалистического направления» и человека, который несмотря на работу за границей всегда оставался «по образу мыслей верен России»¹⁴. Такие сотрудники прекрасно понимали, какого рода «непредвзятость» от них ожидалась.

В монографии обстоятельно раскрыты основные аспекты политической публицистики «Московских ведомостей» и, в частности, освещение ими польского, остзейского и болгарского вопросов, судебной реформы, экономического развития России. К сожалению, лишь бегло упомянуто о принципиальных для редакции проблемах школьного и университетского образования. Наконец, касаясь религиозной сферы, автор ограничивается самыми общими фразами: «Газета придавала православной церкви особо важное значение в объединении государства и нации, в нравственном влиянии на политическую и духовную жизнь общества. Православие как воплощение нравственных законов и традиционных, устойчивых, проверенных временем морально-этических ценностей позиционировалось в ней как лучшая гарантия прочного основания государства» (с. 287). Всё это можно найти на страницах «Московских

ведомостей», но одновременно там, к ужасу славянофилов, защищалось «русское латинство» и «русское жидовство», велась борьба против виленской «клерикальной партии», отождествлявшей русскость и православие. Таким образом, взгляды Каткова на церковно-государственные отношения были гораздо более сложными¹⁵.

Не так просто, как показано в книге, складывались и отношения Михаила Никифоровича с «катковцами», как в Петербурге «называли тех высокопоставленных чиновников, которые так или иначе взаимодействовали с редактором “Московских ведомостей” и выражали солидарность с позицией газеты» (с. 224). К ним Перевалова причисляет К.П. Победоносцева, гр. Д.А. Толстого, И.А. Вышнеградского, И.Д. Делянова. Однако между ними и Катковым случались и размолвки, которые в монографии практически не отражены. Так, с Победоносцевым они разошлись при подготовке университетского устава 1884 г. С гр. Толстым после 1880 г. общение почти прекратилось¹⁶. Свои нюансы имелись и в борьбе «московского громовержца» с другими государственными деятелями 1880-х гг. — гр. Н.П. Игнатьевым, Д.Н. Набоковым, Н.Х. Бунге, Н.К. Гирсом. К примеру, если в 1882 г. он способствовал отставке гр. Игнатьева с поста министра внутренних дел (с. 228), то впоследствии в катковском окружении графа прочили в руководители МИД¹⁷.

Достаточно подробный очерк о противостоянии публициста со Страстным бульвара с «Министерством иностранных дел в России» логично завершается анализом интриги, связанной с поездкой в 1887 г. в Париж генерал-майора Е.В. Богдановича, выдававшего себя за представителя Каткова, которого тут же обвинили во вмешательстве во внешнюю политику (с. 230–245). Категорически опровер-

гая все эти упрёки, Первалова всё же признаёт: «Газета, ставшая своего рода неофициальным, но могущественным “департаментом” в бюрократической структуре Российской империи, превысила полномочия, дарованные ей верховным правителем, и последний указал на недопустимость её действий, подтвердив тем самым, что в самодержавном государстве есть только одна власть — власть императора» (с. 247).

К сожалению, основательно проработав фонды московских архивов, автор монографии почти не использовала петербургские материалы. А они, несомненно, позволили бы дополнить многие из освещённых в тексте сюжетов. Впрочем, количество затронутых в книге тем столь велико, что их хватит на отдельный научно-исследовательский институт или, по меньшей мере, на крупный центр. На сегодняшний же день Е.В. Первалова написала самую полную и добросовестную работу о М.Н. Каткове и «Московских ведомостях» после труда В.А. Твардовской¹⁸. Жаль, что преступно мизерный тираж (сто экземпляров), мелкий шрифт и неудобный справочный аппарат ставят труднопреодолимый барьер на её пути к читателям.

Примечания

¹ См., в частности: *Попов Э.А., Велигонова И.В.* Когда Слово повелевает Империей. Периодические издания М.Н. Каткова и новые технологии общественно-государственной политики реформирующейся России (середина 1850-х — 1880-е гг.). М., 2014; *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016; *Полунов А.Ю.* В кругу Каткова // *Российская история.* 2018. № 5. С. 160–161; *Комзолова А.А.* Катков в окружении единомышленников // *Российская история.* 2018. № 5. С. 166–170; *Медоваров М.В.* Сущность «катковизма» // *Россий-*

ская история. 2018. № 5. С. 161–166; *Котов А.Э.* На какой почве Катков стал «московским громовержцем»? // *Российская история.* 2020. № 2. С. 207–235.

² *Первалова Е.В.* Журнал М.Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания (1856–1862). М., 2010; *Первалова Е.В.* Вокруг М.Н. Каткова: авторы и сотрудники «Русского вестника» и «Московских ведомостей». М., 2019.

³ *Миллер А.И.* Нация, или Могущество мифа. СПб., 2016. С. 65.

⁴ О его взаимоотношении с правящими кругами империи см.: *Мамонов А.В.* Бюрократия и Катков // *Российская история.* 2018. № 5. С. 170–176.

⁵ *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 283.

⁶ Там же. С. 284.

⁷ Новое время. 1868. 6 февраля. № 26.

⁸ Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / Публ. Т.Ф. Пирожковой, О.Л. Фетисенко, В.Ю. Шведова. СПб., 2016. С. 70.

⁹ Пророки Византизма. Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Публ. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 412, 522.

¹⁰ *Иловайский Д.И.* По вопросам преподавания истории // *Иловайский Д.И.* Мелкие сочинения, статьи и письма. 1857–1887 гг. М., 1888. С. 55–56.

¹¹ *Розанов В.В.* Опавшие листья. Короб второй и последний // *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Листва / Под ред. А.Н. Николюкина. М.; СПб., 2010. С. 207–208.

¹² Воспоминания о Михаиле Каткове. М., 2014. С. 433.

¹³ Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина... С. 174–175.

¹⁴ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 2. Минск, 2003. С. 279.

¹⁵ *Котов А.Э.* Был ли Катков православным консерватором? // *Тетради по консерватизму.* 2018. № 3. С. 59–67.

¹⁶ *Дневник государственного секретаря А.А. Половцова.* Т. 1. М., 1966. С. 263.

¹⁷ *Котов А.Э.* Русские консерваторы во второй половине 1880-х гг.: внешнеполитический аспект // *Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики.* Сер. Гуманитарные науки. 2021. № 9. С. 18.

¹⁸ *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978.